

Сергей Штырков

Victoria Smolkin. A Sacred Space Is Never Empty: A History of Soviet Atheism. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2018. 339 pp. ISBN 978-0-691-17427-3.

Сергей Штырков, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук; Европейский университет в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Гагаринская ул., д. 6/1, литера А, Санкт-Петербург, 191187, Россия. shtyr@eu.spb.

Рецензия написана при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-509-12017 ННИО_а («Новые формы религиозной культуры в позднем СССР и постсоветской России: идеология, формы социальной организации, дискурсы»).

На сегодняшний день научная литература, посвященная судьбам религии и религий в СССР, довольно обширна. Работы по этой теме написаны, в основном, за последние двадцать лет и освещают, за редким исключением, драматичные взаимоотношения религиозных объединений и советского государства (Чумаченко 1999; Шкаровский 1999; Беглов 2008). В этом довольно полном потоке разнообразных книг и статей история советского атеизма как особого проекта (или даже нескольких проектов) не получала серьезного освещения. Исключением была история Союза воинствующих безбожников, который своей бурной и красочной деятельностью не мог не привлечь исследовательского внимания в качестве феномена, имеющего собственную, весьма диковатую, эстетику (Peris 1998; Husband 2000). На его фоне поздние формы советского атеизма выглядели довольно блекло и навевали на потенциальных интересантов скорее тоску, нежели желание понять, как советский атеизм вплетался в жизнь людей в течение последних десятилетий существования советского государства. Книга Виктории Смолкин показала, что о том времени можно рассказать множество увлекательных историй, которые складываются в стройный и убедительный нарратив об изначально обреченном на провал марше энтузиастов в страну атеистической утопии.

Вообще говоря, в книге речь идет о том, что было с атеизмом на протяжении всей истории существования СССР. Меж тем, сюжеты, относящиеся к периоду до смерти Сталина, пересказаны довольно кратко, хотя ярко и убедительно. Автор, положившая в методологическую базу исследования работу с документами советских и партийных органов хрущевского и брежневского времени, первой главой «Религиозный фронт: воинствующий атеизм при Ленине и Сталине» задает всему своему повествованию определенный ритм. Дело в том, что одна из самых важных идей этого в общем-то исторического сочинения относится скорее к полю социальной антропологии: речь идет о постколониальной критике универсальности концепта религии, осуществленной в духе Талала Асада (Asad 1983). Смолкин показывает, что даже в рамках советского идеологического проекта, унифицированного марксистско-ленинским учением, религия, ее природа и функции понимались совершенно по-разному и самими советскими атеистами. Если в первые десяти-

летия советской власти ее соотносили в основном с религиозными институциями и понимали скорее как социальное явление (и политическую угрозу), то потом религию стали трактовать как феномен, относящийся к сфере сознания и, соответственно, идей. В последние два десятилетия советской истории в концепте религии стали акцентироваться эмоциональные аспекты, и она, в понимании атеистов, «переехала» из головы советского верующего в его (или ее) сердце. Это построение вызывает исключительный интерес, так как подтверждает обоснованность критики Асада, но одновременно разрушает ее догматичность (Laughlin and Zathureczky 2015), демонстрируя, что ни о каком едином евроцентричном понимании религии, основывающемся на понимании любой религии по христианской модели, говорить не стоит. В нашем социальном воображении работают разные модели религии, хотя мы и исходим из принципа концептуального единства нашей картины социального мира. И многочисленные примеры, приводимые в книге, убедительно показывают принципы работы этого механизма.

Как я уже сказал, основное внимание автора привлекают материалы, относящиеся к временам правления Никиты Хрущева и Леонида Брежнева. Так, во второй главе речь идет в основном об административной стороне антирелигиозной кампании середины и конца 1950-х годов. В следующей главе автор погружает нас в процесс формирования институции и идеологии научного коммунизма, в центр своего рассказа помещая историю о тщетных упованиях советских атеистов на силу достижений космической программы в деле борьбы с религией в СССР.

В четвертой главе продолжается повествование о том, как надежды руководства страны на создание нового советского человека (за это отвечало много разных структур, в том числе и Всесоюзное общество «Знание») наткнулись на техническую невозможность преодолеть границы публичного пространства. Это пространство в Советском Союзе не только было крайне политизировано, но и воспринималось гражданами страны в качестве такового. Смолкин пишет в этой связи: «Когда партия бралась за дело “строительства коммунизма”, она обнаруживала, что двери советских домов – и, следовательно, душ советских граждан – оставались закрытыми, и если они приоткрывались, то там наряду с газетными статьями, воспевающими достижения науки и подвиги космонавтов, обнаруживались иконы и окрещенные дети» (с. 139–140). Атеистическая программа пробуксовывала, что заставляло партийных идеологов опасаться за успех всего советского проекта по построению коммунистического общества. В этих условиях у советского руководства оставались упования на марксистско-ленинскую науку: предполагалось, что она сможет разобраться с причинами временных неудач и предложить практические меры по их преодолению. Для этого были созданы новые структуры, которые должны были переоформить советский атеизм в социальную науку. Об этом и рассказывается в пятой главе.

Далее Смолкин переходит, возможно, к самой красочной части своей книги и в главе «Коммунистическая партия между государством и церковью: советский атеизм и социалистические ритуалы» рассказывает, что сделало руководство страны для того, чтобы жить в ней стало немного веселее. Отмечу здесь, что для этого автор, хоть и кратко, поднимает тему инфраструктурных ограничений, кото-

рые накладывали свои требования на советскую социальную инженерию. Этот довольно милый книксен в сторону материального поворота в изучении религии помещает в данную аналитическую перспективу и советский атеизм.

Седьмая глава «Социалистический образ жизни: советский атеизм и духовная культура» вносит весьма серьезный вклад в дискуссию вокруг вопроса «Почему сломалась советская система?». Хотя автор благоразумно не предлагает на него четкого ответа, мы начинаем лучше понимать то состояние паники среди идеологического руководства страны, которое вызывала у него собственная неспособность передать «советские ценности» новому поколению граждан страны. Я бы здесь добавил, что эти ценности (представим их в виде комиссаров в пыльных шлемах) воспринимались и подавались как естественное наследие советской истории. Однако на самом деле они не были чем-либо устойчивым и формулировались по ходу изменения политической повестки.

Завершается книга заключением, которое на самом деле не является лишь кратким пересказом всего вышесказанного и подытоживанием, а повествует о крушении атеистического проекта в конце 1980-х годов. Смысл этого завершающего эпизода нашей эпопеи довольно остроумен. Смолкин пишет: «Существует искушение посчитать изменения по отношению к религии и атеизму частью общей истории перестроечной либерализации, но это было бы неверным ходом» (с. 228). И далее она показывает, как именно партийным руководством принимались решения в отношении религии, которой неожиданно было дозволено стать легитимной частью советской жизни и которую Михаил Горбачев рассчитывал привлечь в качестве ресурса для поддержания равновесия в разбалансированной советской системе.

Кстати говоря, именно в заключении читатель найдет пассаж, который я считаю ключевым для большого нарратива о советском атеизме, а также в какой-то мере для всего советского идеологического проекта и его современной рецепции. Здесь мы снова возвращаемся к Асаду и его концепции возникновения секуляризма и религии как близнецных понятий нашей практической повседневной социологии (Asad 2003). Именно в этой перспективе следует рассматривать слова Смолкина, которая пишет: «Советский атеизм не был секулярен, так как секуляризм может ужиться с индифферентностью. Более того, он предполагает ее. Чтобы оставить сферы политики и публичной жизни государству и воспринимать духовные убеждения как нечто приватное по своей природе, секулярный человек должен в определенной мере обладать индифферентностью в отношении своих собственных убеждений и убеждений других людей» (с. 241–242).

В примечании 44 автор развивает эту свою мысль в асадианском ключе: «То, что советский атеизм был нетерпим к индифферентности, особенно остро ставит проблему уравнивания советского атеизма с секуляризмом. Секуляризм по сути является проектом либерального государства. Он определяет религию как личную веру, базирующуюся в приватной сфере, и защищает религию в рамках свободы совести, хотя и регулирует и дисциплинирует ее в случаях, когда она выходит за поставленные для нее границы и предъявляет политические требования» (с. 302).

Действительно, секулярное сознание, в отличие от советского идеологического проекта, не претендует на функциональную тотальность культурных логик, действующих, скажем, в экономике или науке. И в этом смысле советский атеизм – это не секулярный проект. Но – и этот вывод читатель может сделать, прочитав книгу Виктории Смолкин, – советским атеистам, не став самим секуляристами, удалось секуляризовать сознание советских граждан. Ведь последние в своем большинстве так и не поняли, почему в частной жизни им нельзя быть верующими при том условии, что в публичной они демонстрировали политическую лояльность советской системе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беглов, Алексей. 2008. *В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР*. М.: Издательский Совет Русской православной церкви Арсена.
- Чумаченко, Татьяна. 1999. *Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг.* М.: АИРО-XX.
- Шкаровский, Михаил. 1999. *Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в 1939–1964 годах)*. М.: Издательство Крутицкого подворья.
- Asad, Talal. 1983. "Anthropological Conceptions of Religion: Reflections on Geertz." *Man* 18(2):237–259.
- Asad, Talal. 2003. *Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Husband, William B. 2000. *"Godless Communists": Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–1932*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
- Laughlin, Jack C., and Kornel Zathureczky. 2015. "An Anatomy of the Canonization of Asadian Genealogy: A Case Study." *Studies in Religion/Sciences Religieuses* 44(2):233–252. doi: 10.1177/0008429815580780.
- Peris, Daniel. 1998. *Storming the Heavens: The Soviet League of the Militant Godless*. Ithaca, NY: Cornell University Press.